

но от своей подруги, уже многими перещупанной, родом из Скифии, с которой он баландался с самого детства, он не отказался, а присосался, как улитка, к этой распутной бабе. И на площади, и в собрании, на перекрестках и празднествах он не столько прокладывает ей дорогу, сколько плетется за ней, похрюкивая. И не стыдится он, несчастный, или скорее умалишенный, ни той одежды, в которую он облачился, ни рода матери, но рясу свою он носит, как дурак, будто осел в львиной шкуре. А второй, Драконтоним, получивший прозвище «Толстощекий», увидав певца Пола, вернувшегося в родной город из Валахии с большими деньгами, захотел и сам отправиться туда, чтобы обогатиться; он покинул родину, но позорно потерпел крушение и, вернувшись оттуда, трется без толку у императорского дворца».

«Что касается их, — сказал я, — дело обстоит именно так, как ты говоришь, великий музыкант; тот, кто рассказал тебе об их общественном положении, изложил тебе все правильно. И я очень прошу тебя, не ввергай меня в многоречие и подробные описания и не заставляй рассказывать или подробно передавать тебе, что они делают. Ты видишь, как многие стремятся ко мне с вопросами, и у меня уже голова заболела, пока я сам разговаривал и других выслушивал».

«Раз ты так неохотно, — сказал он мне, — ведешь разговоры и не хочешь подробно рассказывать, а мне же страшно хочется что-нибудь узнать, то прошу тебя, хоть выслушай, что рассказывал мне о них виновник всех бедствий первый настоятель монастыря».

«Скажи мне это, — ответил я ему, — но только кратко; ты видишь, что я спешу».

17. «Я так и сделаю, — сказал он. — Только ты слушай. Рассказывал мне этот от старости впавший в детство, весь согнувшийся старик, эта вышеназванная язва, который, по его словам, пришел в ад против своего желания. Он говорил, будто мой старший сын, постригаясь в монахи, прикрыл капюшоном и рясой не только свои младенческие мозги и невежество, свою глупость и лень, но и свое тщеславие, распущенность и разврат, чем он занимался еще с детства. Он стал долгополом и пребывает в монастыре Эвергета, лицемера и оставаясь поклонником Афродиты. Младший же живет, как живет молодость, т. е. распущенно, глупо, развратно, с большим самомнением, скорее как безумный и безрассудный. Обученный мною в совершенстве искусству музыки, так чтобы он мог жить в чести и достатке, как на земле жил и я сам, он отказался от этого занятия и выбрал другую жизнь — отвратительную, грубую, бесчестную и бесславную, в конце концов неприбыльную и позорную. Он не захотел состоять в клире святой императорской, великой и божественной церкви и называться церковнослужителем, чтобы петь победные и божественные гимны; но предпочитает петь дурацкие песни с мальчишками и рабами, с пьяницами и шутами, дурачащимися, делающими все и позволяющими над собой делать все. Он часто избегает во время праздников и торжеств петь среди церкви; а вот с развращенными нечестивцами он поет, танцует, ведет себя шутовски, дурачась, как обезумевший. Конечно, ему стыдно, и он краснеет, конфузится, приглашенный к благороднейшему самодержцу, чтобы петь под звуки кифары и передавать своим голосом гармоническую песнь древних или новых музыкантов, и отказывается от этого. А вот по всяким углам, на перекрестках дорог, по трактирам, в притонах развратных женщин он поет под кифару и пляшет и совершает другие непристойности иногда тайно, а иногда и явно, пренебрегая скрытностью. Часто его приглашают высокопоставленные люди, принадлежащие к императорскому дому, и заставляют пропеть для государя песню, мною положенную на